
**ПРАКТИКА «ИЗБЫТОЧНОГО ТРУДА»
И НЕГОТОВНОСТЬ К «ИЗБЫТОЧНОМУ ПРОИЗВОДСТВУ»:
К ПРОБЛЕМЕ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕЛОВОЙ
КУЛЬТУРЫ МУСУЛЬМАНСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В. ***

Г.Г. Корноухова

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-1, Москва, Россия, 117198

В данной статье исследуются особенности деловой культуры мусульманских предпринимателей Российской империи конца XIX — начала XX в. Автор опирается на метод, позволяющий исследовать деловое поведение мусульман в корреляции с системой их религиозно-этических ценностей при сопоставлении полученных показателей с данными, существовавшими у их православных соотечественников. Целью статьи является выяснение причин значительного отставания российских мусульманских предпринимателей в сфере развития промышленного производства от их православных конкурентов.

Проблема существования и развития деловой культуры в России в конце XIX — начале XX в. представляет собой чрезвычайно интересный и пока еще не до конца исследованный вопрос. Многонациональный и поликонфессиональный состав населения Российской империи обуславливает изучение обозначенной проблемы через рассмотрение деловой культуры отдельных этноконфессиональных предпринимательских сообществ в их взаимодействии друг с другом.

На сегодняшний день уже существует немало работ, посвященных выявлению и анализу особенностей деловой культуры русского православного купечества, в том числе старообрядцев, а также немцев, евреев и др. представителей предпринимательского сообщества России (1). Относительно слабым на этом фоне выглядит изучение особенностей деловой культуры мусульманского населения России. И это несмотря на то, что, являясь наиболее многочисленным после православного, оно, без сомнения, было неотъемлемым участником предпринимательской жизни нашего государства. А в период конца XIX — начала XX в. — времени наивысшего расцвета российского предпринимательства в целом — появлялись новые и расширяли свою деятельность многочисленные старые купеческие династии, и в том числе из числа мусульманских представителей: Акчурины, Асадуллаевы, Бакировы, Ерзины, Тагиевы и многие другие.

Ошибочным и некорректным было бы утверждение, что вопрос о развитии мусульманского предпринимательства вообще оставлен без внимания. Среди отечественных историков выделяется ряд авторитетных авторов, посвятивших свои работы истории мусульманского и, прежде всего, татарского купечества. Это ка-

* Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ 08.01.00443а.

занские исследователи Р.Р. Салихов, Л.М. Свердлова, Р.Р. Хайрутдинов, Н.И. Таиров, Ф.Ф. Нигамедзинов, Р.У. Амирханов, а также Г.Г. Косач, М. Абубакирова, И. Шамсутдинов, Р. Хасанжанова и др. (2).

Среди работ, принадлежащих этим авторам, особого внимания заслуживает коллективная монография «Золотые страницы купечества, промышленников и предпринимателей Татарстана», написанная Р.Р. Салиховым, Л.М. Свердловой и Р.Р. Хайрутдиновым. Авторы, излагая историю экономического развития Казанской губернии, выделяют особенности татарского предпринимательства: слабая представленность капитала в акционерных обществах и предпочтение организации семейных фирм; значительная роль в скупщицком капитале; игнорирование товарной биржи и предпочтение заключать контракты в более приватной обстановке — гостиницах и чайных; недоверие к иноверцам и предпочтение вести дела без составления бумаг, «на вере» (3). Однако отмеченные отдельные элементы деловой культуры мусульман конца XIX — начала XX в. не получили в монографии дальнейшего анализа, поскольку авторы и не ставили перед собой такой цели.

Остальные работы в еще меньшей степени касаются рассматриваемого вопроса: в исследованиях описываются биографии мусульманских купцов, их успешная профессиональная, активная благотворительная, общественно-политическая, общественно-культурная деятельность, но этого недостаточно для установления особенностей деловой культуры мусульманских народов России. Данный вопрос требует изучения по специально разработанному методу: во-первых, необходимо выявить и описать комплексы делового поведения, их особенности для разных этноконфессиональных сообществ российских предпринимателей и общее для всего отечественного прибыльного хозяйствования; затем следует установить связи структуры делового поведения с ценностно-нормативной подсистемой деловой культуры и выявить корреляции ценностно-нормативной подсистемы деловой культуры с конкретными этноконфессиональными системами ценностей и институтов (4).

Источниковой основой работ по истории деловой культуры мусульманских предпринимателей России конца XIX — начала XX в. могут служить архивные документы, находящиеся в фондах промышленных и торговых предприятий (ЦИАМ), Центрального управления министерства финансов по части торговли и промышленности, Министерства торговли и промышленности, Совета съездов представителей промышленности и торговли, Центрального статистического комитета и Департамента торговли и мануфактур министерства финансов (РГИА), Казанского купеческого старосты, Казанской городской думы и городской управы, татарских слободских ратуш, канцелярии Казанского губернатора, губернского правления, Казенной палаты, податных и промысловых присутствий, фондов банков, торговых домов, акционерных обществ (ЦГА РТ) и др.

Однако при изучении проблемы деловой культуры российских и, в частности, мусульманских предпринимателей особую ценность имеют источники лич-

ного происхождения, оставленные самими участниками предпринимательской жизни мусульманской конфессии. Именно в них, вероятнее всего, содержится информация о нравственных ценностях, существовавших у различных мусульманских народов и определявших их хозяйственную этику. При этом необходимо рассмотреть подобные источники, авторами которых были не только мусульмане, но и представители других конфессий, дававших отзывы о хозяйственной деятельности приверженцев ислама. Это позволит определить, насколько полно декларировавшиеся ценности и нормы реализовывались на практике.

Решить две вышеназванные задачи поможет также анализ содержания дореволюционной периодической печати: газет «Вакт» (время), «Терджеман» (переводчик), «Туран» (тюрк), «Идель» (Волга); журналов «Шура» (совет), «Динь ва магыйшат (вера и жизнь)», «Баянул-Хак» (разъяснение истины), «Иктисад» (экономика) и др. Эти газеты и журналы выходили на татарском языке, но охватывали хозяйственную жизнь всех мусульманских народов Российской империи: башкир, киргизов, узбеков, таджиков, азербайджанцев и др. Трудность работы с дореволюционными изданиями и источниками в целом связана с тем, что в тот период татарская письменность базировалась на арабско-персидской графике и потому продуктивность работы во многом зависела от уровня обладания исследователем не только татарским языком, но и арабско-персидским алфавитом.

Выявленные источники на данном этапе исследования еще не изучены полностью, но уже проделанный первичный анализ, с опорой на указанный подход, позволяет прийти к определенным выводам в отношении деловой культуры российских мусульман в конце XIX — начале XX в. Так, удалось выяснить причину отставания мусульманских предпринимателей в сфере фабрично-машинного производства в эпоху бурного экономического развития на рубеже двух столетий.

Действительно, мусульмане активно участвовали в торговле, кустарных промыслах. Однако современные исследователи отмечают, что даже в Казани — развитом центре татарской культуры и предпринимательства — мусульманское купечество не играло серьезной роли в организации машинного производства, уступая место своим православным коллегам (5). Автор статьи из мусульманской газеты «Терджеман» за 1899 г. рассказывает о своих впечатлениях от посещения Всероссийской промышленно-художественной выставки в Нижнем Новгороде и сетует на слабую научно-техническую и технологическую составляющую производства у российских мусульман. В частности, очевидец констатирует, что из 97-ми приехавших на выставку мусульманских представителей 44 выставили степных лошадей. Заводских лошадей представил лишь один мусульманин. Товары фабрично-заводского производства были представлены только пятью казанскими мусульманскими фирмами. Из них две фирмы, принадлежавшие промышленникам Акчуриным, выставили сукно усовершенствованного машинного производства; две фирмы — Муртазы Азимова и «Утямишев и К^о» — бязь и «китайку» фабрично-машинного производства; фирма Ахмеджан Галеева — сафьяновые изделия и обувь (6).

Остальные экспонаты, по наблюдению посетителя выставки, были продуктом кустарного производства: ковры, шелковый материал, сукно, шерсть, вата, пух, войлок, серебряные изделия, седла, плети, уздечки, азиатские ножи, кинжалы, каракулевые бурки — все изделия ручной работы. «В железном, чугунном, медном, экипажном, машинном отделах мусульман вовсе нет, — продолжает очевидец. Позже он заключает: «Очевидно, что наши мусульмане живут еще в „деревянном веке“, т.е. на 500 лет назад от настоящего времени, времени железа и машин» (7).

Современные отечественные исследователи татарского предпринимательства объясняют существование господствующего положения русских предпринимателей в машинном производстве национально-религиозной дискриминацией коренного населения Казани. «Нарождающаяся татарская буржуазия, хотя формально и была уравнена в правах с русскими купцами, — говорится в коллективной монографии «Золотые страницы купечества, промышленников и предпринимателей Татарстана», — на деле встречала препятствия, когда пыталась вкладывать деньги в фабрично-заводское производство или брать ссуды в банках для расширения или модернизации предприятия» (8).

Не имея намерения опровергнуть это утверждение, предлагаем рассмотреть проблему через призму религиозно-этических ценностей мусульманских предпринимателей России данного периода путем апробации вышеуказанного метода исследования деловой культуры этноконфессиональных предпринимательских сообществ.

Для этого следует рассмотреть такие вопросы, как восприятие мусульманами богатства, поскольку стремление к высокому доходу является сильным стимулом к трудовой, в том числе хозяйственной активности человека; одновременно целесообразно выявить отношение к труду мусульманских предпринимателей и их готовность к т.н. «избыточному труду»; и, наконец, необходимо выяснить их готовность к усовершенствованию процесса производства, переходу к более прогрессивным методам хозяйствования. Сопоставление этих и других норм и представлений с аналогами из православной деловой культуры позволит выяснить, какой (или какие) именно из перечисленных факторов являлся (или являлись) препятствием в вопросе масштабного развития промышленного производства у мусульманских предпринимателей на рубеже двух столетий.

В русском официальном православии конца XIX — начала XX в. продолжало доминировать традиционалистское представление о пагубности богатства (9). В мусульманской религиозной мысли до конца XIX в. отношение к богатству было неоднозначным. С одной стороны, в Коране нет осуждения богатства: «Пусть расходует зажиточный из богатства своего...» (10). После жизни праведникам в райском саду обещаются в том числе материальные блага: «Таким уготованы сады Эдема, в которые войдут они, украшенные золотыми и жемчужными браслетами, в шелковых одеяниях» (11). В практике рубежа веков эта норма была отражена достаточно отчетливо (12).

Но с другой стороны, возникший в VIII в. суфизм, подобно православию, призывал к отказу от земных благ и аскетизму, видя в этом единственно верный путь к духовному спасению (13). Очевидно, суфизм оказывал сдерживающее влияние в стремлении мусульман к обогащению. Не случайным в этой связи был высокий уровень активности, с которой мусульманские просветители стали бороться с суфизмом в печати в конце XIX в. В частности, такой мусульманский просветитель, как Зия Камали, назвал устаревшим хадис о том, что бедность является хвалой для человека. Ссылаясь на Коран, он считал, что всевышний не нуждается в тех материальных лишениях, на который обрекают себя суфии (...) ибо одними лишь молитвами и бедностью нельзя достичь милости Аллаха. К тому же эти люди склонны жить за счет труда остальных членов общества и уклоняться от уплаты закята (подходный налог в пользу нуждающихся) (14). Перечисляя пять признаков, по которым должна оцениваться правоверность мусульманина (словесное признание единственности Аллаха, исполнение религиозных предписаний ислама, добрые дела, стремление к духовному благополучию), четвертым он называет стремление к материальному благополучию (15).

Другой автор в статье «Нищенство среди мусульман» в мусульманской газете «Туран» выступил с осуждением присутствия огромного числа нищих мусульман разного возраста на похоронах русской купчихи в Оренбурге. Он выразил пожелание, чтобы благотворители, во избежание распространения дармоедства, направляли свои пожертвования в благотворительные общества на устройство рабочих домов, приютов и богоделен, а не раздавали их напрямую нуждающимся, провоцируя тем самым распространение нищенства, которое «теперь, — по его словам, — распростерло крылья над всем мусульманским миром» (16).

Татарский писатель Атаулла Баязитов, избранный мусульманским обществом Петербурга в 1871 г. имамом столичной мечети и посвятивший свою жизнь процессу примирения новейших достижений цивилизации с мусульманством, использовал в своей книге «Ислам и прогресс» следующую цитату из Корана: «Только два рода людей среди моих последователей заслуживают зависти: муж, одаренный научным знанием, которым делится на пользу человечества, и богач, тратящий свое состояние на пользу своих братьев» (17).

Журнал «Икътисад» также стимулировал своих читателей к «стяжательству», в том числе делая акцент на аргументацию, связанную с трудовой этикой. Анонимный автор настаивал на том, что любая работа должна оплачиваться: «Даже женщина, вскармливающая грудью своего ребенка, вправе просить у мужа вознаграждение, поскольку и это является работой», «Работодатель должен успеть заплатить своему работнику прежде, чем высохнет его промокшая от пота рубашка» (18).

Таким образом, в конце XIX в. мусульманские просветители поддерживали активную борьбу с изжившими себя, как они считали, догматами, которые, толкая мусульман на аскетизм и самоограничение, сковывали их деловую активность. И судя по всему, процесс вытеснения старых этических принципов новыми, хотя

и с оттенком традиции, велся столь успешно, что в 1912 г. в мусульманской газете «Неджат» (спасение), выходившей в Баку на турецко-азербайджанском языке, в статье «О нас самих» (№ 7) уже порицалась чрезмерная «косность мусульман», главным жизненным девизом которых к началу XX столетия становилось выражение: «Только бы были в этой жизни деньги, а в той — гурии...» (19).

Из этого следует, что если до конца XIX в. в мусульманстве, при существовании уважения к богатству, одновременно существовали и сдерживающие факторы, препятствовавшие активному обогащению, то к началу следующего столетия они начали активно разрушаться. Последнее обстоятельство не позволяет нам говорить о том, что некое специфическое отношение мусульман к богатству могло сдерживать стремление предпринимателей данной конфессии к разворачиванию более эффективного и прибыльного, по сравнению с кустарным, промышленного машинного производства.

Не менее важен для решения заявленной проблемы вопрос об уровне интенсивности у мусульман трудового процесса. Известно, что в русском православном обществе конца XIX — начала XX в. существовала традиция «умеренного», неинтенсивного труда — лишь «ради сытости». Это было связано с идеей о превосходстве духовного труда, обеспечивавшего спасение бессмертной души, над трудом, обеспечивавшим материальный достаток и отвлекающего христианина от главной цели его земного существования. Православная иерархия, таким образом, фактически одобряла инертность в профессиональной деятельности, а труд, по наблюдениям современников и исследователей, так и не стал духовной необходимостью широких масс паствы синодальной церкви (20).

Что касается мусульманского общества, то проанализированные источники конца XIX — начала XX в. свидетельствуют о достаточно высоком уровне трудолюбия у российских мусульман, среди которых Ф.Ф. Пуцикович особенно выделил в своей вышеназванной брошюре казанских татар и ногайцев. О первых он сказал, что «городские татары (...) охотно берутся за всякую работу, как бы она тяжела не была. В качестве лиц служащих они отличаются своею исправностью, исполнительностью и готовностью на всякое дело (21). О вторых писалось: «ногаец (...) очень трудолюбив, трезв, невероятно терпелив и вынослив. Ногайцы не боятся ни жары, ни безводицы» (22).

Более того, в рассматриваемый период в мусульманском обществе наметилась тенденция к сокращению количества праздничных дней, дабы еще более интенсифицировать у себя трудовой процесс. Так, в мусульманской газете «Вакт» за 1912 г. (№ 899) было опубликовано письмо одного из читателей, в котором он писал, что «...количество дней, в которые прекращается работа ради больших праздников, уменьшается; если дела будут так идти, через немного времени праздники совсем забудут» (23). При этом инициаторами увеличения числа рабочих дней выступали сами мусульмане, в частности крупная татарская буржуазия, которая в лице гласных Казанского уездного земского собрания А.Я. Сайдашева и М.И. Галеева в 1887 г. внесла на очередную сессию предложение

о ходатайстве перед министром внутренних дел «относительно искоренения мусульманского празднования «джина», дабы молодежь не пристращалась к праздности и лени (24).

Таким образом, наличие у мусульман готовности к добросовестному и напряженному труду также не могло быть фактором, препятствовавшим развитию среди них более производительного машинного производства.

Но все же препятствие существовало. Оно заключалось в отсутствии моральной трудовой мотивации, но не к «избыточному труду», как это наблюдалось в деловой культуре православного населения России, а к «избыточному производству», что возможно было достигнуть лишь путем отказа от традиционного кустарного производства и переходом к более прогрессивному машинному.

Автор уже упоминавшейся статьи о Всероссийской промышленно-художественной выставке в Нижнем Новгороде указывал на отсутствие у мусульманских предпринимателей не только чувства сожаления о своей технической отсталости, но и вообще осознания необходимости ее преодоления: «Дай Бог, чтобы эта выставка и все виденное ими тут пробудило в них сознание своей отсталости, возбуждала соревнование и желание приобрести те знания и орудия, кои необходимы для успешного труда в наше время. Раз явится сознание отсталости и желание прогресса — остальное уладится. Я не сомневаюсь, что мусульмане, столь искусные и трудолюбивые в своих старинных производствах, успешно поведут и машинную работу, но пока этого нет...» (25) — говорится в материале.

В начале XX столетия татарская буржуазия совершила значительный шаг в вопросе повышения уровня знаний российских мусульман в области экономики — в 1908 г. усилиями купцов Каримова и Хусаинова в Самаре стал издаваться ежемесячный журнал «Икътисад», ставший первым профессиональным экономическим изданием на татарском языке. Задачей журнала было вооружение своих читателей научными знаниями в области торговли, агрономии, промыслов и промышленности с целью добиться экономического процветания мусульманских народов России. И так же, как и в конце ушедшего столетия, авторы статей призывали своих единоверцев к перестройке своего хозяйства на современный уровень. В частности, в статье «Промышленность и богатство» речь идет о необходимости развития различных отраслей добывающей промышленности: «Чаша изобилия внизу лежит», — говорится в статье, — «а ремесло и промышленность должны достать ее оттуда». С этой целью башкирам предлагалось отстоять свои ценные запасы нефти земли от продажи в частные руки русских и самостоятельно наладить нефтедобычу. В качестве примера для подражания приводились бакинские миллионеры, разбогатевшие благодаря именно доходам от нефтедобычи. «Но богатство лежит не только в башкирской, но и в киргизской землях», — продолжал автор статьи. Он указывал на то, что здесь есть месторождения золота, была найдена медь, можно наладить производство керосина. «Таким образом, — подытоживается в статье, — где бы мы ни искали богатство, чаша изобилия вниз под землю ведет и лишь промысловые работники, объединив свои силы, смогут дос-

тать ее. А это значит, что путь к богатству лежит через ремесло и промышленное производство» (26).

Однако, как отмечалось в статье, в отличие от русских, среди киргизов не было ни одного человека, который занимался бы здесь золотодобычей и остальными вышеперечисленными занятиями. «...К этим видам работ еще не проложена дорога» (27), — печально заключал автор, не теряя, впрочем, надежды на возникновение предпринимательской активности у киргизов в будущем.

Другим препятствием на пути к производственному прогрессу мусульман являлась, на наш взгляд, их сознательная разобщенность с православными предпринимателями России, у которых они могли бы перенимать имеющиеся технические знания и опыт. Причиной были языковой барьер и отсутствие доверия к иноверцам (28). Эти нормы также имели религиозную основу: мусульмане не желали порвать с традицией обособленного существования и сближаться с «*неверными*». Так, в статье «По поводу голода» в газете «Вакт» за 1912 г. (№ 956) при выяснении причин сильного недорода среди башкир указывается на их невежество в аграрном вопросе. Когда же им указали на более успешные результаты урожая у их русских соседей, то башкиры ограничились заявлением, что «этот мир — рай для неверных», не изъявив желаний перенять у них секретов агрономии (29).

Напротив, автор статьи о Всероссийской промышленно-художественной выставке в Нижнем Новгороде настаивал на необходимости сближения с представителями других конфессий для преодоления существующего у мусульман невежества в промышленном производстве: «В азиатском отделе ткач-бухарец работал на станке времен Ходжи Насреддина, который может ткать в день не более пяти аршин, а рядом в другом машинном отделении русский ткач вырабатывал 120 аршин в день. Увидев это, мы во время полуденной молитвы молили Бога, чтобы ткач-бухарец подружился со своим русским собратом и поучился у него своему делу!» (30).

Насколько это сотрудничество может быть полезно для мусульман, автор старался показать на примере самого русского народа, которому для того, чтобы наладить свое промышленное производство, пришлось также прибегать к опыту враждебного им западного протестантско-католического мира: «Сто лет назад и русские люди знали очень мало, получали многие товары из-за границы, но они поучились у Запада и ныне ведут дела самостоятельно. Отчего же нам не поучиться у русских, с коими мы рядом и как бы в одном доме живем?» (31).

Призывы начать активное сближение с русским народом с целью перенять профессиональные знания и опыт публиковались и позднее. Так, в газете «Вакт» в 1912 г. в статье «Новый год» (№ 899) писалось: «Первейшая цель у нас, русских мусульман, шествие вперед по пути просвещения и цивилизации, сближение с русскими на пути преуспевания отечества, охраны национальных и религиозных интересов, подъема в экономическом отношении» (32).

Первым шагом в достижении поставленной перед мусульманскими народами экономической цели являлось решение лингвистической задачи — овладение

русским языком, изучение которого не предусматривалось в начальных учебных заведениях, единственно доступных для основной части мусульман. Но в начале XX в., судя по имеющимся данным, процесс распространения русского языка развивался в массовом порядке, по крайней мере, в Казанской губернии. Газета «Вакт» за 1912 г. (№ 1015) свидетельствовала, что казанские татары усиленно заимствуют русские слова, в чем значительно опережают, в частности, кавказских мусульман (33). В одном столбце казанской газеты «Юлдуз» автор опубликованной в рассматриваемой газете статьи насчитал 20 русских слов, во время же четырехминутного разговора между двумя татарами им было услышано 56 русских слов (34).

Очевидно, что процесс сближения с русским населением в рассматриваемый период начался, но он имел не одинаковые темпы среди различных представителей мусульманских народов при лидирующих показателях у казанских татар. Следует предположить, что данное обстоятельство обуславливало и различные темпы приобретения необходимых для развития мусульманской экономики знаний.

Таким образом, для российских мусульман были характерны традиционное уважение к богатству, а в конце XIX в. оно стало дополняться и усилением стремления к обогащению, в том числе в результате резкой критики суфизма, с которым мусульманские просветители начали активную борьбу в печати, объявляя, что бедность не может быть богоугодным делом, а суфизм есть искажение истины ислама. Также для мусульманского населения традиционно был характерен высокий уровень трудолюбия. Труд в мусульманстве можно квалифицировать как интенсивный и «избыточный». И отношение к богатству, и отношение к труду выгодно отличало мусульманских предпринимателей от их православных коллег и могло лишь стимулировать развитие среди мусульман прогрессивного машинного производства. Тем не менее, несмотря на отсутствие в культуре российских мусульман норм «умеренного» труда и «бережливого» расходования своих физических сил, их хозяйственную деятельность можно квалифицировать как инертную в смысле отсутствия стремления к техническому совершенствованию трудового процесса. Напряженный труд мусульманских предпринимателей был приложен лишь к традиционным формам ведения хозяйственной деятельности. Все, что требовало новых современных знаний в промышленной сфере, не получило должного распространения в мусульманской среде в первую очередь из-за психологической неготовности самих мусульман начать сближение с русским этносом с целью перенять производственный опыт у своих более прогрессивных в этом вопросе соотечественников. Последняя особенность мусульманского предпринимательства, основанная, как и другие, на нормах ислама, значительно ограничивала их участие в промышленном предпринимательстве и препятствовала приобретению серьезных позиций в деловом мире Российской империи.

В данной статье речь идет лишь о первичных выводах и аргументации, лишь о начальном этапе изучения мусульманской деловой культуры в России и факто-

ров ее эволюции. Но и проделанная работа демонстрирует то, что анализ воздействия религиозно-этической системы на нормы и институты, определявшие предпринимательскую практику, эффективен уже на этом уровне. Не вызывает сомнения, что такой теоретико-методический комплекс вполне может стать важным инструментом для дальнейших исследований проблем деловой культуры этноконфессиональных предпринимательских сообществ России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Ермишина С.А., Наумова Г.Р.* Православный менталитет русского делового человека // Буржуазия и рабочие России во второй половине XIX — начале XX века. — Иваново, 1994; Менталитет и культура предпринимателей России XVII—XIX вв. — М., 1996; *Керов В.В.* Старообрядческое предпринимательство: от Общего Суда к спасению души // Старообрядчество: история, культура, современность. Тезисы III научно-практической конференции. — М., 1997; *Керов В.В., Кузьмичев А.Д., Шихарев П.Н.* Деловая этика в дореволюционной России: исторический очерк // Этические принципы ведения дел в России / Под ред. С.А. Смирнова — М., 1999; *Латицкий М.И.* Труд и бизнес в зеркале религий. — М., 1998; *Беспалова Ю.М.* Ценностные ориентации предпринимателей в России (на материалах западносибирского предпринимательства второй половины XIX — начале XX вв.). — СПб., 1999; *Гавлин М.Л.* Предпринимательство немецких подданных в Москве в 60—90-е гг. XIX в. (по материалам гильдейского налогообложения) // Немецкие предприниматели в Москве: Сб. статей. — М., 1999. — С. 130—148; *Громыко М.М.* Отношение к богатству и предприимчивости русских крестьян XIX в. в свете религиозно-нравственных представлений о социальной практике // Этнографическое обозрение. — 2000. № 2; *Кузнецов С.В.* Нравственность и религиозность в хозяйственной деятельности русского крестьянства // Православная жизнь русских крестьян XIX—XX веков. Итоги этнографических исследований. — М., 2001; и др.
- (2) *Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р.* Азимовы, братья Мишкины и другие // Гасырлар авазы (Эхо веков): научно-документальный журнал. — 1996. — № 1/2. — С. 42—45; Они же. Из истории казанского купечества // Гасырлар авазы (Эхо веков): научно-документальный журнал. — 1996. — № 3/4. — С. 48—49; *Салихов Р.Р.* Татарская буржуазия Казани и национальные реформы второй половины XIX — начала XX в. — Казань, 2001; *Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р.* Исторические мечети Казани. — Казань, 2005; *Свердлова Л.М.* На перекрестке торговых путей. — Казань, 1991; *Она же.* Купеческая династия Юнусовых // Идель. — 1993. — № 1. — С. 42—44; *Она же.* Замановы — Аитовы // Идель. — 1993. — № 6. — С. 52—54; *Таиров Н.И.* Акчурины. — Казань, 2002; *Нигамедзинов Ф.Ф.* Заметки о казанском татарском купечестве XIX—XX столетий // Поволжье в системе всероссийского рынка: история и современность. — Чебоксары, 1999; *Он же.* Татарское купечество Казанской губернии (конец XIX — начало XX в.). — Казань, 2005; *Амирханов Р.У.* Развитие татарского предпринимательства в начале XX века (1900—1917 гг.) // Поволжье в системе всероссийского рынка: история и современность. — Чебоксары, 2000; *Он же.* Татарский народ и Татарстан в начале XX века: Исторические зарисовки. — Казань, 2005; *Косач Г.Г.* Город на стыке двух континентов: оренбургское татарское меньшинство и государство. — М., 1998; *Абубакирова М., Шамсутдинов И., Хасанжанова Р.* Историю оставить народу своему. — Троицк, 2002; и др.
- (3) *Салихов Р.Р., Свердлова Л.М., Хайрутдинов Р.Р.* X — начало XX в. Становление и расцвет торговли и предпринимательства на земле Татарстана // Золотые страницы купече-

- ства, промышленников и предпринимателей Татарстана. — Казань, 2001. — Т. 1. — С. 34—35.
- (4) Керов В.В. Конфессиональные основы деловой культуры и делового поведения предпринимательских сообществ в России XVIII—XIX вв. // Вестник РУДН, серия «История России». — М., 2008. — № 3. — С. 51—61.
- (5) Салихов Р.Р., Свердлова Л.М., Хайрутдинов Р.Р. X — начало XX в. ... — С. 32.
- (6) В дореволюционной России // Исламский вестник. — 1993. — № 12. — С. 19.
- (7) Там же.
- (8) Салихов Р.Р., Свердлова Л.М., Хайрутдинов Р.Р. X — начало XX в. ... — С. 32.
- (9) См. об этом: Керов В.В. «Се человек и дело его...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. — М., 2004. — С. 409—434.
- (10) Коран / Смысловой перевод проф. Б.Я. Шидфар — М., 2003. — Сура 65. — Стих 7. — С. 558.
- (11) Там же. — Сура 35. — Стих 33. — С. 416.
- (12) См., например: Пуцыкович Ф.Ф. Татары. Чтения для народа... — С. 7.
- (13) Камалов Т.Р. Зия Камали о вере и правдивности в исламе // Исламо-христианское пограничье: итоги и перспективы изучения. — Казань, 1994. — С. 41.
- (14) Там же.
- (15) Там же. — С. 42.
- (16) Мир ислама. — СПб., 1912. — Т. 1. — № 4. — С. 624.
- (17) Баязитов А. Ислам и прогресс. — СПб, 1898. — С. 9.
- (18) اقتصاد // انسانک کوچی و خدمتی (Человеческий труд и его вознаграждение) // Икътисад (на старотатарском яз.). — Самара, 1910. — № 9. — С. 257.
- (19) Мир ислама... — № 2. — С. 283.
- (20) См. об этом: Керов В.В. «Се человек и дело его... — С. 339—363.
- (21) Пуцыкович Ф.Ф. Татары. Чтения для народа. — СПб., 1900. — С. 5.
- (22) Там же. — С. 19.
- (23) Мир ислама... — № 3. — С. 474.
- (24) Мухаметшин Р.М. Проблема благосостояния общества в татарской экономической мысли начала XX в. // Вторые Стахеевские чтения: Материалы международной научной конференции. Елабуга, 3 октября 2003 г. — Елабуга, 2003. — С. 38.
- (25) В дореволюционной России // Исламский вестник. — 1993. — № 12. — С. 19.
- (26) اقتصاد // صناعت و بايق (Промышленность и богатство) // Икътисад (на старотатарском яз.). — 1910. — № 7. — С. 208—209.
- (27) Там же. — С. 209.
- (28) Салихов Р.Р., Свердлова Л.М., Хайрутдинов Р.Р. X — начало XX в. ... — С. 39.
- (29) Мир ислама — СПб., 1912. — Т. 1. — № 2. — С. 262.
- (30) В дореволюционной России. — С. 19.
- (31) Там же.
- (32) Мир ислама. — СПб., 1912. — Т. 1. — № 2. — С. 259.
- (33) Впрочем, автор данной статьи не считал этот процесс положительным, так как, по его мнению, включение в татарский язык многих русских слов делало татарскую литературу недоступной представителям других тюркских народов.
- (34) Мир ислама. — СПб., 1912. — Т. 1. — № 4. — С. 627.

**THE PRACTICE OF «SURPLUS LABOUR»
AND NO READINESS TO «SURPLUS PRODUCTION»:
TO THE PROBLEM OF METHODS OF RESEARCH
OF MUSSULMAN OWNER BUSINESS CULTURE OF RUSSIA
IN THE END OF THE 19TH — BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES**

G.G. Kornoukhova

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay Str., 10-1, Moscow, Russia, 117198

In this article peculiarities of business culture of mussulman owners in the end of the 19th — beginning of the 20th centuries are examined. The author lean on method which permits to examine of business activities of mussulman people in the correlation with the system of their religious values and compares these results with information about orthodox compatriots. The elucidation of causes of considerable lag of Russian mussulman owners in the sphere of industrial production from their orthodox colleagues is the object of this article.